

СТЕЦ О. Н.,

кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Криворожский факультет
Национального университета
«Одесская юридическая академия»)

УДК 343.97

ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА КАК ФАКТОРА ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы о необходимости комплексного подхода и разработке механизма правовых мер по преодолению правового нигилизма как фактора преступности в современном украинском обществе.

Ключевые слова: правовой нигилизм, современное общество, меры преодоления, уважение к праву, правовая культура, правотворчество, права и обязанности человека и гражданина.

У статті розглядаються питання щодо необхідності комплексного підходу та розробки механізму правових заходів подолання правового нігілізму як фактора злочинності в сучасному українському суспільстві.

Ключові слова: правовий нігілізм, сучасне суспільство, заходи подолання, повага до права, правова культура, правотворчість, права й обов'язки людини та громадянина.

The article deals with the questions of the need for an integrated approach and the development of legal measures to overcome the legal nihilism as a factor of criminality in modern Ukrainian society.

Key words: legal nihilism, modern society, measures to overcome, respect for law, legal culture, law making, rights and duties of man and citizen.

Введение. Как известно, право является феноменом сложным, многоаспектным, и для получения целостного представления о нем необходимо исходить из единства как минимум трех компонентов: правовых идей, правовых норм и деяний или отношений, в которых реализуются исходящие от государства нормативные предписания. Считаем, что деформации в каждом из этих элементов правовой материи могут привести к снижению или полной утрате правом своей ценности и в конечном итоге к правовому нигилизму.

Большинство ученых, как правило, не уделяет надлежащего внимания такому явлению в сфере правосознания, как правовой нигилизм. Одни авторы вообще о нем не упоминают, другие ограничиваются лишь самой общей, схематичной характеристикой.

Между тем правовой нигилизм не является каким-то специфическим, абстрактным понятием, интересующим только специалистов. Это явление, которое проникает во все сферы социальной жизнедеятельности, оказывает непосредственное влияние на состояние законности и правопорядка в обществе.

Проблема преодоления негативного отношения к праву, к практике его непосредственной реализации и применения приобрела особую актуальность ещё после принятия Конституции Украины в 1996 году, в которой одним из основополагающих принципов, опре-

деляющих магистральное направление развития украинского общества, закреплён принцип верховенства права.

Следует помнить и о том, с каким «багажом» вступило наше общество в эпоху радикальных преобразований: патерналистские настроения, уравнивательный подход к социальной справедливости, психологическая установка на иждивенчество, отсутствие опыта правового общения. В условиях переходного периода все эти реалии тоталитарного прошлого являются существенным тормозом в развитии общества.

Тенденции общественного развития, социальные процессы, протекающие сегодня в Украине и других постсоветских странах, обуславливают необходимость глубокого теоретического исследования проблемы правового нигилизма в целях определения его сущности, выявления механизма зарождения и развития нигилистических тенденций в правосознании, факторов, способствующих их углублению, разработки классификации видов и уровней правового нигилизма.

Актуальность темы исследования связана также с тем фактом, что правовой нигилизм является одной из причин преступности, то есть тех социально-психологических факторов, от которых непосредственно зависит совершение преступлений, которые воспроизводят преступность и преступления как своё закономерное следствие.

Исследуя природу этого явления, мнение учёных-юристов, философов права, социологов и т.д., можно сделать следующее определение, что правовой нигилизм – это сформировавшееся в индивидуальном, групповом или общественном сознании абсолютное, устойчивое неверие в справедливость, силу и эффективность права.

Преодоление правового нигилизма – задача в такой же степени сложная, как и необходимая в сложившихся условиях. Скептицизм, неверие, неуважение к праву, к закону настолько укоренились в индивидуальном, групповом и общественном сознании, что для изменения ситуации к лучшему потребуются максимальное напряжение и объединение усилий всех государственных и негосударственных структур.

Как показывает социальная практика, «отрицательное быстрее и устойчивее фиксируется в сознании, значительно осложняя борьбу за достижение высокого уровня правосознания и правовой культуры всего общества» [18, с. 102]. Поэтому проведение отдельных мероприятий, акций и кампаний не даст ожидаемого результата. Только последовательная, комплексная и планомерная работа по формированию уважения к праву, устранению деформаций правосознания и правовой культуры, повышению качества правотворческой, правоприменительной, правоохранительной деятельности может привести к цели. В связи с этим целесообразно говорить не просто о преодолении правового нигилизма, а о формировании механизма преодоления данного негативного явления.

При формировании механизма преодоления правового нигилизма прежде всего необходимо сформулировать цель, на достижение которой он будет направлен. В определение цели входит и осознание объективной потребности, и осознание объективной возможности деятельности [22, с. 48]. Поэтому ставить задачу полного устранения правового нигилизма как социально-психологического феномена – это значит требовать объективно невозможного, поскольку нигилизм, как и преступность (и даже в большей степени, чем преступность), полностью не может быть устранен ни в одном обществе. На наш взгляд, искомой целью должно стать изменение «вектора» восприятия обществом права, преодоление правовой отчужденности граждан, формирование в обществе «чувства права» [7, с. 132]. Только после того, как у субъекта появится убежденность в справедливости, силе и эффективности права, оно может занять достойное место в иерархии социальных ценностей.

Постановка задания. Целью исследования является разработка комплекса юридических мер по преодолению правового нигилизма как фактора преступности.

Задача исследования заключается в разработке комплексной модели правового механизма по преодолению правового нигилизма в современном украинском обществе.

Результаты исследования. Для преодоления правового нигилизма крайне необходимо, чтобы закреплённый в Конституции Украины принцип верховенства права перешел из

разряда умозрительных, декларативных положений в реально действующий принцип жизнедеятельности общества, функционирования государственной власти. Но достижение этого зависит от множества факторов. Во-первых, само позитивное право должно основываться на общепризнанных социальных ценностях и идеалах, и прежде всего оно должно быть сориентировано на права и законные интересы личности. Чтобы пользоваться авторитетом, как отмечал немецкий философ К. Маркс, право должно быть не искусно сплетенной системой «ловушек, петель, волчьих ям и сетей», а системой гарантий прав и свобод человека. Следует признать, что ранее, в советский период, больше внимания уделялось принудительной стороне права, чем гарантийной. Сегодня, когда в общественном сознании произошли существенные изменения в плане осознания самоценности личности, назрела необходимость кардинальной реорганизации системы нормативного регулирования с учетом того, что личность является не пассивным объектом, которым можно управлять путем различных внешних манипуляций, а активным, самостоятельно мыслящим субъектом. В этой связи необходимо «очистить» правовое пространство от «обилия запретных зон» [9, с. 5], предоставив личности максимальную свободу для самовыражения. Вместе с тем следует помнить о том, что «соотношение дозволений и запретов в любой системе социальной регуляции имеет свою внутреннюю логику, носит необходимый, а не случайный характер и, следовательно, не может быть изменено по желанию или произволу» [16, с. 87]. Поэтому в каждом конкретном случае, для каждой сферы правового регулирования нужно определить оптимальный правовой режим, то есть «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обзываний и создающих особую направленность регулирования» [1, с. 170]. Свобода не имеет ничего общего с вседозволенностью, поэтому правовые запреты являются объективно необходимым элементом правовой материи. Более того, по мнению В.С. Нерсисянца, именно запреты выражают саму суть права, заключающуюся в том, «чтобы исчерпывающе, четко и прямо запретить все негативное (общественно вредное в действиях и отношениях людей) и таким путем признать и взять под свою защиту все остальное в качестве положительного, общественно не вредного» [16, с. 91].

Вопреки мнению сторонников патернализма, что человек нуждается не столько в свободе, сколько в мудром водительстве со стороны государственной власти, следует отметить, что именно свобода является изначальным условием полноценного развития личности. Как отмечает Э. Фромм, «потребность в свободе является биологической реакцией человеческого организма», она «является предпосылкой для развертывания всех человеческих способностей личности, ее физического и психического здоровья и равновесия» [25, с. 173–174]. У человека, помещенного в ограниченное пространство, со временем происходят негативные изменения в организме и в психике. Совершенно так же и чрезмерные правовые ограничения неизбежно ведут к деформации личности. Правовое воздействие можно сравнить с атмосферным давлением, которое в оптимальном состоянии не ощущается и разумно ограничивает человека земной поверхностью, вместе с тем предоставляя ему полную свободу передвижения. Так же и право должно ограничивать поведение граждан лишь в мере, необходимой для их собственного блага и блага окружающих лиц.

Для того чтобы право действительно стало «всеобщей и необходимой формой свободы» [16, с. 34], необходимо расширять рамки диспозитивного регулирования, развивать договорное право. Субъекты правового общения должны иметь реальную возможность самостоятельно согласовывать свои интересы (особенно в сфере экономики) и устанавливать для себя выработанные в ходе такого согласования взаимные права и обязанности. По словам Л.Н. Завадской, «договорное право не устраняет полностью государство, ему отводится иная роль – не определение границы свободы в договорном праве, а охрана определенной самими субъектами меры свободы, создание условий для реализации закрепленного в договоре права» [10, с. 65].

Говоря о правах и свободах человека и гражданина, не следует забывать и о его обязанностях. Человек должен помнить о том, что он живет в обществе, и что это налагает

на него определенные ограничения. Позитивное право должно это непременно учитывать, поскольку оно есть не что иное, как «исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [20, с. 331]. Но в последнее время в понимании верного принципа «разрешено все, что не запрещено законом» многими акцент делается на первой части этого принципа, забывая при этом о наличии не только законов, но и моральных и иных социальных норм. Как отмечает венгерский профессор Й. Виг, «чрезмерное акцентирование прав человека при оттеснении на задний план обязанностей или пренебрежении к ним во многих случаях приводит к обострению желания человека осуществить свои права немедленно и в полном объеме» [5, с. 46], что в конечном итоге порождает правонарушения. В этой связи многими высказывается мысль о необходимости создания международной Декларации основных обязанностей человека. Подобные предложения звучали на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде (1990 г.) и на конгрессе Международного общества социальной защиты в Париже (1991 г.). Тот же профессор Й. Виг в качестве основных обязанностей человека предлагает закрепить следующие: 1) никто не может препятствовать, ограничивать или ущемлять осуществление прав других; 2) каждый индивид обязан работать и действовать в соответствии со своими способностями во имя осуществления и защиты интересов сообщества; 3) каждый гражданин обязан в соответствии со своими доходами и имущественным положением нести часть общественного бремени (налоги и т.п.); 4) каждый обязан воздерживаться от оскорбления или ущемления чести и человеческого достоинства других путем распространения неверной, необоснованной информации, а также понижения общественного авторитета других лиц; 5) каждый индивид обязан заботиться о своих детях и о нуждающихся родителях; 6) каждый индивид обязан по возможности оказывать помощь нуждающимся в случае опасности, несчастного случая или катастрофы; 7) каждый должен воздерживаться от загрязнения окружающей среды; 8) индивид должен стремиться к соблюдению не только правовых, но также политических и моральных норм; 9) в случае столкновения, неосуществимости (невыполнимости) прав индивид не может применять насилие, а должен попытаться реализовать свои права с помощью переговоров, компромиссов или при помощи государства.

Следующий важный момент в повышении авторитета права – преодоление так называемого «процессуального нигилизма», то есть недооценки механизмов реализации прав и свобод граждан, других законодательных положений. В условиях тоталитарного режима, когда многие провозглашенные государственной властью права и свободы имели декларативный характер, не было особой необходимости и в разработке процедур их реализации. Но в условиях демократии каждое субъективное право должно быть реальным и гарантированным, что предъявляет новые требования к соотношению материального и процессуального права. Традиционное представление о процессе как исключительно юрисдикционном (только судебная деятельность требует строжайшего соблюдения процедурного порядка) не соответствует новым социальным условиям. Как отмечал венгерский ученый и специалист в области теории права И. Сабо, процессуальные отношения возникают не только «в случае нарушения нормального хода первичных (то есть материальных) правоотношений и, следовательно, несоблюдения соответствующих норм», но и в ходе реализации гражданами своих прав и свобод, и все они требуют четкой правовой регламентации и охраны со стороны государства. Сегодня необходимо четкое понимание того, что демократия – это «власть процедур» [9, с. 10] и «связанность правом есть связанность процессом» [9, с. 218].

Законодательство может содержать положения, которые в различной степени нуждаются в процессуальной регламентации. Одни из них могут применяться непосредственно (к примеру, конституционное положение о том, что лицо не несет ответственности за отказ давать показания или объяснения в отношении себя, членов семьи или близких родственников – Ст. 63 Конституции Украины), другие могут быть реализованы лишь при наличии хорошо отлаженных механизмов (право на социальную защиту – Ст. 46 Конституции Украины). Многие положения еще ждут разработки таких механизмов (например, закреп-

пленное в ст. 32 Конституции Украины право граждан на ознакомление с содержащейся в органах власти, местного самоуправления, учреждениях и организациях информацией о себе или предусмотренное ст. 56 Конституции Украины право на возмещение за счет государства или органов местного самоуправления материального и морального ущерба, причиненного незаконными решениями или деяниями соответствующих властных структур или должностных лиц). Политические свободы также нуждаются в адекватном их природе и содержанию процессуальном порядке реализации – не разрешительном, а регистрационном (свобода объединений), уведомительном (свобода собраний, митингов, шествий и демонстраций) или инициативном (предусматривающем проведение митингов и демонстраций без предварительного уведомления местных органов власти или самоуправления в заранее определенных ими местах [6, с. 163].

В сфере правосудия также требуется выработка нового подхода к обеспечению защиты интересов участников процесса. Безусловно, важно гарантировать права подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), чтобы максимально оградить граждан от необоснованного привлечения к юридической ответственности, от злоупотребления властью со стороны правоохранительных органов. Но не менее важной является также защита интересов потерпевшего. В этом направлении единственной, пожалуй, реальной гарантией у нас является возможность проведения закрытого судебного заседания. Между тем мировая практика идет по пути постепенного перенесения акцента с защиты правонарушителя на защиту жертвы правонарушения. Например, в 1983 году членами Европейского Совета была подписана Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, в 1985 году ООН принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, в 1990 году увидела свет Хартия жертв преступлений (Англия), на состоявшемся в 1995 году IX конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями также говорилось о необходимости более эффективной защиты потерпевших от противоправных посягательств. Существующий сегодня в Украине порядок производства следственных действий, ознакомления с материалами дела не может оградить потерпевших и свидетелей от давления со стороны обвиняемого и его окружения. Исправить ситуацию могли бы следующие нововведения:

- проведение очной ставки и предъявление для опознания без непосредственного зрительного и слухового контакта потерпевшего (свидетеля) с подозреваемым (обвиняемым);
- исключение из материалов дела сведений о лицах, нуждающихся в защите, и хранение их в отдельных папках с определенными грифами, препятствующими широкой доступности информации;
- проведение допроса свидетелей и потерпевших в суде в отсутствие подсудимых и иных нежелательных лиц, а также допросов защищаемых лиц с применением технических приспособлений, препятствующих их персонализации (изменение голоса, использование маски и т.п.) [17, с. 95].

Среди других мероприятий, которые способствовали бы улучшению положения потерпевшего, можно выделить предоставление ему квалифицированной (в том числе бесплатной) юридической помощи, обязательное вручение ему копии обвинительного заключения и копии приговора. Важным направлением работы является также принятие мер к полному и своевременному возмещению ущерба, причиненного преступлением. Сегодня потерпевшие, не надеясь на помощь правоохранительных органов, зачастую для возврата похищенного и возмещения причиненного ущерба занимаются саморозыском, обращаются за помощью к авторитетам преступного мира, просят помочь оперативных работников в частном порядке за вознаграждение [24, с. 32].

Кроме возможности обратиться за помощью к компетентным государственным органам, граждане должны иметь гарантированную законодательством возможность осуществления защиты своих прав самостоятельно. Под самозащитой гражданских прав следует понимать «допускаемые законом или договором действия управомоченного лица, направленные на обеспечение неприкосновенности права, пресечение нарушения и ликвидацию

его последствий» [19, с. 21]. Часть 5 ст. 55 Конституции Украины гарантирует каждому субъекту право любыми не запрещенными законом средствами защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств. Но гражданин может защищать свои права не только путем установки различного рода сигнализаций, противоугонных устройств, использования средств обеспечения обязательств (поручительство, залог), в порядке необходимой обороны и тому подобными способами, которые являются общепризнанными и в той или иной мере урегулированы законодательством. Считаем, что допустимы и другие способы самозащиты гражданских прав, например принудительное исполнение вступившего в законную силу решения суда, если ответчик затягивает его исполнение (перемещение изгороди, препятствующей пользованию земельным участком, освобождение квартиры от вещей лица, которое из нее выселено и т.п.). Но законодательство должно содержать четкий механизм реализации таких способов самозащиты (с указанием пределов, необходимых условий), иначе подобные действия будут расцениваться как самоуправство, то есть «самовольное, вопреки установленному законом порядку, осуществление своего действительного или предполагаемого права».

Уважительное отношение к праву во многом зависит и от эффективности существующей в обществе системы юридической ответственности. Устранению деформации правосознания должны способствовать «разумное ограничение карательного насилия» [21, с. 222], обеспечение «соразмерности между преступлениями и наказаниями» [3, с. 83]. Еще Г.В.Ф. Гегель говорил о том, что общество, уверенное в себе, сильное в своей государственности, рассматривает преступление как нечто шаткое и изолированное, как чисто субъективное явление и смягчает наказание за него, слабое же общество использует наказания для устрашения [8, с. 257]. В целом об эффективности юридической ответственности свидетельствуют результаты общей и специальной превенции. Эффективность общей превенции определяется такими факторами: а) соответствием норм права общественному правосознанию; б) последовательностью их применения, в том числе неотвратимостью ответственности; в) стабильностью приговоров и других решений правоохранительных органов, принимаемых по вопросам борьбы с правонарушениями. Эффективность специальной превенции, соответственно, зависит от следующих факторов: а) индивидуализация мер ответственности с учетом тяжести содеянного и личности правонарушителя; б) ресоциализация и реабилитация правонарушителя по мере его исправления; в) всесторонняя помощь и контроль за поведением лиц, отбывших меру наказания [14, с. 135].

Особое внимание необходимо уделить борьбе с коррупцией, с организованной преступностью. Здесь требуется комплексный подход, который должен включать в себя не только ликвидацию соответствующих криминальных формирований, но и воздействие на «окружающую среду» (упорядочение налоговой политики, хозяйственного законодательства, банковского контроля за использованием средств), контроль за структурами, которые потенциально привлекательны для преступных организаций (органы, выдающие лицензии, разрешительная система), изменение уголовного законодательства, судебной практики. Повышению эффективности юридической ответственности будет способствовать также создание единого независимого следственного аппарата, формирование системы вневедомственной регистрации заявлений и сообщений о совершенных преступлениях.

Чтобы законы и иные нормативно-правовые акты пользовались уважением и доверием, необходимо, чтобы издающие их государственные органы имели авторитет в глазах населения. Только при таком условии каждое их веление, говоря словами Н.М. Коркунова, будет вызывать «почти инстинктивное себе повиновение» [13, с. 301]. Легитимность государственной власти зависит от множества факторов. Как отмечал один из ведущих американских политологов Д. Истон, «то правительство легитимно, которое соответствует сложившимся в народе представлениям о справедливости и социальном назначении этого института». На легитимность власти влияют также порядок ее формирования, особенно правового статуса должностных лиц, эффективность осуществления властных полномочий. Кроме того, государственный механизм должен быть достаточно гибким, внутренне

согласованным. Сегодня зачастую создание новых государственных органов и других структур не сопровождается серьезным научным анализом, проработкой альтернативных вариантов решения возникших проблем. Например, при создании Антимонопольного комитета, Фонда государственного имущества не проводилось никаких исследований на предмет того, можно ли было решить соответствующие задачи иными способами, без создания дополнительных органов, насколько будут усложнены (или упрощены) процедуры государственного управления экономикой в связи с созданием этих органов, практически не ставился вопрос о видоизменении регламентации деятельности иных государственных структур с целью избегания дублирования определенных функций [15, с. 19].

Еще одна проблема – это проблема ответственности депутатов за свои предвыборные обещания. Часто можно видеть, как не оправдавший доверия избирателей депутат, желая быть избранным на повторный срок, баллотируется по другому избирательному округу, так как понимает, что на прежнем месте у него нет никаких шансов добиться желаемого. Считаем, что следует внести в Закон Украины «О выборах народных депутатов Украины» дополнение, согласно которому депутат, изъявивший желание выдвинуть свою кандидатуру на повторный срок, должен делать это в том же избирательном округе, в котором он был избран перед этим (имеется ввиду та часть депутатов, которые избираются по одномандатным округам).

От легитимности власти следует перейти к легитимности закона. Легитимность закона имеет две стороны: формальную и содержательную [15, с. 19]. Если закон принят надлежащим органом и в установленном порядке, он будет формально легитимным. Но для того, чтобы он поддерживался людьми, этого недостаточно. Закон в первую очередь должен быть справедливым и эффективным. По словам Ф. Бэкона, «закон можно считать хорошим в том случае, если смысл его точен, если требования его справедливы, если он легко исполним, если он согласуется с формой государства, если он рождает добродетель в гражданах» [4, с. 508]. Содержание закона должно соответствовать стереотипам массового сознания, отражать общепризнанные ценности, поскольку, как отмечает В. Гойман, «чем больше социальных ценностей закреплено в законах, тем с большей интенсивностью и стабильностью общественное мнение защищает юридические нормы». Закон должен иметь надлежащее организационное и материальное обеспечение, отвечать международно-правовым стандартам [9, с. 4].

Выводы. Задача формирования правового государства предъявляет неизмеримо большие требования к качеству правотворчества. Поскольку в законе сочетаются и противопоставляются два момента (момент права, справедливости и момент политической силы) соотношения политических сил, очень важно, чтобы в принимаемых сегодня нормативно-правовых актах было как можно больше права и как можно меньше политики. Законодательные положения не должны быть предметом политического торга. Законодатель в каждом конкретном случае должен выявить правообразующий интерес, то есть общезначимый, равносправедливый для всех категорий населения правовой принцип, являющийся итогом согласования частных и групповых интересов и позволяющий наиболее полно использовать заложенный в каждом из них потенциал общественно полезной социальной активности.

На наш взгляд, повышению качества правотворчества способствовали бы следующие мероприятия:

– принятие закона «О нормативно-правовых актах», который содержал бы исчерпывающий перечень форм актов (в зависимости от субъекта их издания), четко определял бы их соотношение, сроки их обнародования, вступления в законную силу и прекращения действия, предусматривал бы меры юридической ответственности за различные нарушения в сфере правотворчества;

– разумное ограничение количества действующих в государстве законов (например, путем их консолидации и кодификации), поскольку «перепроизводство» нормативного материала негативно сказывается на эффективности правового регулирования. Здесь является уместной аналогия с дорожным движением. Опыт показывает, что чрезмерное количество

знаков на дорогах приводит к снижению внимания к ним со стороны водителей, что в конечном итоге влечет за собой увеличение числа дорожно-транспортных происшествий. Однако как только на аварийно-опасных участках убрали большую часть знаков и оставляли только самые необходимые, это вело к значительному уменьшению количества аварий;

– обеспечение стабильности законодательства, поскольку «изменчивое право – не регулятивное право» [12, с. 90]. Безусловно, право должно быть гибким, чутко реагировать на происходящие в обществе перемены, но вносимые в законодательство изменения должны быть тщательно продуманными и не слишком частыми. В связи с этим необходимо развивать долгосрочное планирование и прогнозирование правотворчества, обеспечивать взаимное соответствие принимаемых в государстве нормативно-правовых актов. Для повышения стабильности законодательства следует использовать такие приемы, как воспроизведение (то есть повторение определенных предписаний одних актов в других), генерализация (выведение определенных положений из ранее изданных актов, обладающих меньшей юридической силой, и закрепление их в актах высшего уровня) и конкретизация (создание на основе нормативно-правовых предписаний с высоким уровнем обобщения и абстрактности более конкретных предписаний) [26, с. 29];

– повышение роли закона в системе нормативно-правовых актов. Принимаемые сегодня законы зачастую не могут быть использованы непосредственно, поскольку содержащиеся в них положения носят крайне абстрактный характер и нуждаются в дальнейшей детализации. Это подрывает и без того невысокое доверие к законам, которые вроде бы и есть, но воспользоваться ими невозможно. В этой связи следует создать условия для того, чтобы закон был в наибольшей степени актом прямого действия. Если же закон направлен на регулирование сложной сферы общественных отношений, то необходимо заблаговременно готовить «нормативные пакеты» конкретизирующих актов, которые должны вступать в силу одновременно с законом [10, с. 190];

– повышение уровня законодательной техники, наведение порядка в сфере юридической терминологии. Недопустима ситуация, когда одни и те же термины в разных источниках трактуются по-разному, или наоборот, когда для описания одного и того же явления используются многообразные, часто не стыкующиеся друг с другом термины. Требуется также серьезной проработки вопрос избыточности, содержащейся в нормативно-правовых актах правовой информации. С одной стороны, если закон будет содержать исключительно новую информацию и не будет содержать элементов, уже известных его адресату, он может быть недоступен для адекватного понимания и неверно истолкован. Если же законодатель впадет в другую крайность и будет использовать излишние повторения, то это повлечет за собой загромождение законодательства, превращение его в труднообозримый массив, переполненный нормативным «балластом» [14, с. 53]. По нашему мнению, целесообразным было бы создание национальной комиссии по проблемам законодательной техники, а в ее составе – комиссии по вопросам юридической терминологии, которая существовала в Украине в 20-е годы [23, с. 66];

– создание хорошо организованной системы информирования правотворческих органов о социальных последствиях применения правовых норм. Поскольку право является еще и «гносеологическим балансированием между должным и сущим» [12, с. 90], законодатель должен знать о том, как исходящие от него предписания воспринимаются теми или иными субъектами, насколько они эффективны в решении стоящих перед практикой задач. Это позволит своевременно вносить необходимые коррективы в правотворческую деятельность, а следовательно, и повышать авторитет закона.

Преодоление правового нигилизма является сложной задачей, требующей комплексного подхода. Механизм преодоления правового нигилизма в современном обществе невозможен без применения социальных, моральных и других мер. Так, кроме комплекса правовых мер, направленных на формирование качественно новой, эффективной правовой системы, предусматривающей реальное обеспечение принципа верховенства права во всех сферах социальной жизнедеятельности, усиление гарантий прав и свобод личности, сни-

жение силового давления на субъектов правоотношений, расширение рамок диспозитивно-го правового регулирования и самозащиты гражданами своих прав, процесс преодоления «процессуального» нигилизма, совершенствования системы юридической ответственности, повышения авторитета властных структур и издаваемых ими нормативно-правовых актов должен включать в себя ещё два комплексных блока мер, а именно:

– комплекс обще-социальных мер, направленных на качественное изменение объективных условий жизни общества, на формирование новой социальной среды, предусматривающий достижение общественного согласия относительно базовых основ государственно-правового развития, формирование консенсуальной демократии, социально ориентированной рыночной экономики, повышение уровня жизни населения;

– комплекс воспитательных мер, направленных на исправление деформаций правосознания и повышение уровня правовой культуры населения, что предусматривает повышение уровня знания, понимания населением правовых норм, совершенствование юридических навыков, утверждение позитивного восприятия права, воспитание чувства справедливости, ответственности и законности, выработка привычки к соблюдению норм права, повышение социально-правовой активности граждан.

Тем самым комплекс мер по преодолению такого явления в сфере правосознания, как правовой нигилизм со временем изменит негативное отношение к праву, улучшит состояние законности и правопорядка в обществе.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М. : Изд-во БЕК, 1994. – 224 с.
2. Андреев Д. Правосвідомість у структурі соціально-правової комунікації / Д. Андреев // Юридична Україна. – 2013. – № 5. – С. 11–16.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – пер. с итал. – М. : Стелс, 1995. – 303 с.
4. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1971– . – Т. 1. – 1971. – 590 с.
5. Виг Й. Соотношение прав и обязанностей человека и проблемы преступности / Й. Виг // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 46.
6. Витрук Н.В. Права человека: состояние и перспективы развития / Н.В. Витрук // Право и власть. – М., 1990. – С. 163–164.
7. Гапоненко Н.В. Правовая культура в советском государственном управлении: сущность и формирование / Н.В. Гапоненко. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1991. – 184 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1990. – 352 с.
9. Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления / В. Гойман // Советская юстиция. – 1990. – № 9. – С. 4.
10. Завадская Л.Н. Механизм реализации права / Л.Н. Завадская. – М. : Наука, 1992. – 288 с.
11. Каленский В.Г. Государство как объект социологического анализа (очерки истории и методологии исследования) / В.Г. Каленский. – М. : Юрид. лит., 1977. – 182 с.
12. Козловський А.А. Право як догма і право як ідея / А.А. Козловський // Науковий вісник Чернівецького університету Серія «Правознавство». – Вип. 4–5. – Чернівці, 1996. – С. 90.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Спб. : Издание юридического книжного магазина Н.К.Мартынова, 1909. – 354 с.
14. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М., 1982. – С. 135.
15. Лившиц Р.З. Легитимность закона / Р.З. Лившиц // Теория права: новые идеи. – Вып. 4. – С. 19.
16. Нерсесянц В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – М. : Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. – 652 с.

17. Поляков М.П. О защите обвиняемого и «защите от обвиняемого» / М.П. Поляков // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 95.
18. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе / И.Ф. Рябко. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1969. – 190 с.
19. Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав / Г.А. Свердлык, Э.Л. Страунинг // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 21.
20. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев. – М. : Республика, 1996. – 479 с.
21. Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права / Э.Ю. Соловьев // Квинтэссенция: Философский альманах. – М., 1990. – С. 222.
22. Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат» / Н.Н. Трубников. – М. : Высшая школа, 1967. – 148 с.
23. Усенко І.Б. Україна в роки НЕПу: доля курсу на революційну законність / І.Б. Усенко. – Х. : Університет внутрішніх справ, 1995. – 74 с.
24. Ульянов В. Сможет ли государство защитить потерпевших? / В. Ульянов // Законность. – 1998. – № 11. – С. 32.
25. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : Республика, 1994. – 447 с.
26. Шмельова Г.Г. Стабільність законодавства і деякі юридичні засоби її забезпечення / Г.Г. Шмельова // Проблеми формування суверенної правової української держави. Серія юридична. – Вип. 30. – С. 29–31.

